

Окуда Хироси , Кондрашин Виктор Викторович

СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ЕСИКОВ - ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Статья посвящена творческому пути крупнейшего историка-аграрника России С. А. Есикова. В ней анализируются его взгляды на дискуссионные проблемы истории крестьянства и сельского хозяйства России второй половины XIX - XX в.: русскую поземельную общину, крестьянское хозяйство, крестьянское движение в годы революции и гражданской войны ("антоновщину"), кооперацию, нэп, "бухаринскую альтернативу" коллективизации и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 190-199. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**DONATIONS COLLECTING ORGANIZATION BY ORTHODOX CLERGY
OF TAMBOV PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR****Elena Igorevna Khabarova***Department of Russian History
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
khabarova.lena2012@yandex.ru*

The author studies the mechanism of donations collecting in Tambov province in terms of legal regulation, pays attention to the forms of the regulation and coordination of the process of donations collecting, as well as the problem of the interaction between church and secular authorities, considers the vertical of charity activity management during the First World War, and estimates the degree of the local administration participation in the implementation of this activity, headed by the Governor, as well as the features of reporting carrying out on the results of donations collecting in the province.

Key words and phrases: Russian Orthodox Church; Holy Synod; Spiritual Consistory; clergy; parish priests; governors; charity; donations; reports; diocesan bulletins; the First World War.

Редколлегия журнала «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики» искренне присоединяется к поздравлениям Сергею Альбертовичу Есикову и желает юбиляру новых творческих успехов, здоровья и благополучия.

УДК 929

Исторические науки и археология

Статья посвящена творческому пути крупнейшего историка-аграрника России С. А. Есикова. В ней анализируются его взгляды на дискуссионные проблемы истории крестьянства и сельского хозяйства России второй половины XIX – XX в.: русскую поземельную общину, крестьянское хозяйство, крестьянское движение в годы революции и гражданской войны («антоновщину»), кооперацию, нэп, «бухаринскую альтернативу» коллективизации и др.

Ключевые слова и фразы: историография; аграрная история; российская деревня; аграрное хозяйство; Тамбовская губерния; нэп; коллективизация.

Окуда Хирози, профессор*Токийский университет
hiroshi-okuda@mbr.nifty.com***Виктор Викторович Кондрашин**, д.и.н., профессор*Кафедра отечественной истории и методики преподавания истории
Пензенский государственный университет
ifpsri@mail.ru***СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ЕСИКОВ —
ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ©**

В современной аграрной историографии, пожалуй, не найдёшь более яркую и неординарную личность, чем профессор Тамбовского государственного технического университета Сергей Альбертович Есиков. При внешней простоте и немногословности, а также отсутствии манерности и свойственной многим его коллегам «плодовитости» в публикациях, его отличает гибкий и искомётный ум, умение зреть в корень при анализе сложнейших проблем истории российского крестьянства и России XX века. Достаточно сказать, что С. А. Есиков принадлежал к очень узкому кругу лиц, которых уважал и ценил как исследователей В. П. Данилов. Выдающийся историк-аграрник считал его не только своим учеником и коллегой, но и другом. Точно так же относятся к нему и многие другие авторитетные историки-аграрники России и других стран (Э. М. Щагин, П. С. Кабытов, Г. Е. Корнилов, В. А. Ильиных, А. Г. Рыбков, Н. С. Тархова, И. Е. Кознова, В. А. Саблин, В. В. Наухацкий, Т. В. Осипова и др.).

Сергей Альбертович Есиков родился 19 ноября 1952 г. в г. Тамбове в семье служащих. В 1974 г. он закончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического института. Затем был учителем истории в средней школе, служил в Советской армии. С 1979 г. и по настоящее время работает в Тамбовском государственном техническом университете. Сергей Альбертович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Всю свою творческую жизнь он связал с историей русского крестьянства. С. А. Есиков является одним из немногих исследователей, сумевших на региональном материале глубоко и всесторонне изучить наиболее дискуссионные проблемы аграрной историографии. Он всегда занимался концептуальными проблемами первостепенной важности, апробируя их на региональном материале. Среди них проблема крестьянства и власти,

крестьянского хозяйства в годы войны и мира, русской общины, нэпа, коллективизации и т.д. На эту тему им написаны очень аргументированные и фундированные достоверными и разнообразными источниками монографии и статьи, в том числе опубликованные в ведущих научных издательствах России и других стран [9; 10; 26; 30; 31; 73].

Фото 1. В. П. Данилов и С. А. Есиков в президиуме XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000 г.

Свои мысли о судьбах русского крестьянства С. А. Есиков апробировал на многочисленных научных конференциях. Он был членом оргкомитета международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, организатором его сессии в Тамбове на базе ТГТУ в 2000 г. [62]. Кроме того, он принимал активное участие в международном проекте «История российского крестьянства в XX веке» [60, с. 18].

Как блестящий аналитик Есиков понял главное – изучать историю России можно и на региональном материале, если использовать его не как иллюстрацию на краеведческие темы, а как информацию, отражающую суть того или иного исторического феномена общероссийского значения, но со своими региональными особенностями. То есть понять историю страны можно, изучая её ключевые аспекты в масштабе губернии, области, района и т.д. И он блестяще продемонстрировал это на примере Тамбовского края и Центрального Черноземья России.

Вот как историк писал об этом: «История тамбовского крестьянства интересна и тем, что в ней соединились признаки аграрного развития разных регионов Европейской России... Отдельные социально-политические процессы в Тамбовской губернии изучаемого периода имели важнейшее общероссийское значение. Так, в октябре 1905 г. в губернии поднялась мощная волна массовых крестьянских выступлений, оставшаяся на этом уровне и в 1906–1907 гг. Восстание тамбовских крестьян осенью 1917 г. В. И. Ленин считал одним из главных симптомов назревшего политического кризиса и условий для успеха большевистского восстания. “Антоновщина” стала важнейшим сигналом к смене советской властью экономической политики... Именно на регионе центральной России, в которую входила Тамбовская губерния, большевики в первую очередь апробировали средства и методы своей аграрной политики» [16, р. 7-8].

Рассматривая концептуальные проблемы отечественной истории через историю её региона, С. А. Есиков указывал на важность изучения региональной истории как таковой. Несмотря на общее, каждый регион России имел и имеет свои особенности, обусловленные исторической традицией. Он писал на эту тему: «Несмотря на общие черты, характерные для аграрного развития России, тамбовская деревня имела ряд специфических черт, отличавших её от других регионов страны. Подчеркну то обстоятельство, что до сего времени этой стороне вопроса не придавалось серьёзного значения, своеобразие проявилось и в пореформенном развитии, и в ходе столыпинской аграрной реформы, и при проведении социально-экономических преобразований советской власти» [Ibidem, р. 7].

В центре внимания С. А. Есикова всегда был русский мужик, в большинстве своём тамбовский. О нём подавляющее большинство работ историка. Есиков является одним из немногих исследователей, рассматривающих проблему, не замыкаясь в узких хронологических рамках. Его история русской деревни охватывает почти столетие и вмещает в себя все её основные проблемы. Это позволяет ему не только их описать, но и понять, увидеть причины великих революционных потрясений страны в первые десятилетия XX века, в основе которых, как справедливо указал В. П. Данилов, была крестьянская революция. В этом смысле работы Есикова объясняют закономерный характер не только Великой русской революции, но и причины дальнейших потрясений Советской России, в том числе сталинской коллективизации.

Им выткана логическая нить фактов и аргументов, основанных на проверенных архивных источниках, скрепляющая воедино ключевые аспекты проблемы: аграрную политику государства, крестьянское производство,

общину и т.д. На материалах тамбовской деревни и Центрального Черноземья они анализируются автором на протяжении пореформенного периода и до завершения сталинской коллективизации. Своим подходом к теме С. А. Есиков продолжает традицию, заложенную в отечественной историографии В. П. Даниловым. Виктор Петрович был убеждён, что понять проблему можно, если изучать её в контексте и исторической ретроспективе.

Своё повествование о трагической судьбе русского крестьянства С. А. Есиков начинает с анализа ситуации в тамбовской пореформенной деревне. При этом он убедительно доказывает актуальность этой, казалось бы, далёкой для современной России темы. Он пишет: «Один из парадоксов общественного развития России в пореформенную эпоху заключается в том, что, хотя крестьянское хозяйство во многом определяло характер и формы общественного прогресса и несло на своих плечах его основные издержки, крестьянство долгое время воспринималось и правительством, и его оппонентами лишь как объект социального воздействия».

Обращение к изучению крестьянского землевладения и землепользования в эпоху очередных российских реформ важно в плане осмысления не только закономерностей исторического процесса, но и реальностей современной жизни, в том числе ситуации, возникшей в аграрном секторе страны в результате аграрных преобразований. При этом надо помнить, что Россия имеет собственные традиции реформирования: проводить преобразования вынужденно, сверху, опираясь на разветвлённую систему органов власти, очень часто не имея обратной связи с обществом. Все названные проблемы сохранились до наших дней. Поэтому изучение проведения российских реформ, особенно в аграрной сфере, актуально и сегодня. По-прежнему актуальными остаются проблемы эффективного соединения крестьянина с землёй и поиска форм рационального землепользования» [13, с. 31].

Следует отметить, что и до Есикова российские учёные глубоко и всесторонне изучали историю русской пореформенной деревни. Об это он хорошо знает и с большим уважением относится к своим предшественникам [Там же, с. 31–41]. Казалось бы, что ещё он мог сказать принципиально нового на эту тему? Оставалось лишь иллюстрировать имеющиеся в историографии выводы на тамбовских материалах. И, на первый взгляд, он пошёл по этому пути, подтвердив оценки историков о том, что к началу XX в. в аграрных регионах России возникли черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур при сохранении жёсткой зависимости урожаев хлебов от резких природно-климатических колебаний, сокращении масштабов животноводства ввиду распашки пастбищных и других кормовых угодий и т.п. [16; 18].

Но С. А. Есиков не ограничился подтверждением уже устоявшихся в историографии выводов. Он пошёл дальше. Ему удалось расширить тематику исследования проблемы и выдвинуть ряд новых идей. Например, совместно с коллегами он обратился к теме формирования и развития сети сельских населённых пунктов Тамбовской области с момента освоения края и до начала XX в. [62, с. 13–16]. Этим он продолжил традицию В. О. Ключевского в изучении истории русской колонизации, но уже на материалах Тамбовского края. Как увлекающаяся личность он окунулся в самую глубь веков и написал ряд интересных работ, посвящённых начальному периоду истории Российского государства [11; 21].

Наряду с новой тематикой С. А. Есиков внёс в разработку историографии проблемы идею, имеющую концептуальное значение. Он пришёл к выводу, что сохранение сословного неравенства крестьян в пореформенной деревне отразилось на главном для них вопросе – вопросе о земле. Это тонкое понимание историком сути процессов, происходивших в русской деревне в рассматриваемый период.

Он писал: «Издававшиеся правительством акты свидетельствовали о глубоко ошибочном убеждении правящих кругов в том, что различные сословия одного государства могут сосуществовать на разных правовых уровнях. Частное крестьянское землевладение, несмотря на официальные запреты, развивалось. Массовая покупка земли крестьянами началась в 1880-е гг. Большинство сделок по покупке земли крестьянами совершалось при посредстве Крестьянского банка» [32, с. 91]. «Ограниченность сословных прав крестьян ущемляла их право владеть и распоряжаться землёй. Тем самым вольно или невольно законодатель в лице органов власти фактически установил причинную связь между правом пользования и владения землёй и обработкой этой земли трудом субъекта этого права. В результате к началу XX века государственные нормативные акты, не отменявшие действовавшие нормы обычного права, фактически закрепляли идею народного правосознания о трудовом пользовании землёй» [24, с. 65].

Таким образом, идея «чёрного передела» земли как главного лозунга крестьянской революции возникла в русской деревне не случайно. Её укреплению в крестьянском сознании способствовала недалёковидная политика царского самодержавия по консервации сословного неравенства крестьян. С одной стороны, оно поощряло через Крестьянский банк и другими мерами крестьянское предпринимательство, а с другой – сдерживало его охранительными законами в эпоху «контрреформ» Александра III. Крестьяне не могли по закону стать частными собственниками земли. Но они коллективно становились ими по обычному праву, то есть через общину покупали землю, как правило, не оформляя её в индивидуальную частную собственность. Учитывая, что к началу XX века крестьянское хозяйство стало господствующей формой организации сельскохозяйственного производства, но юридически по закону не могло закрепить свой статус, крестьянский протест был неизбежен. Вина в этом была не крестьян, а царского самодержавия, до последнего стоявшего на страже дворянско-помещичьих привилегий.

Занимаясь историей русской деревни, С. А. Есиков следовал традиции ведущих российских исследователей изучать её в рамках проблемы «крестьянство и власть», делая при этом акцент на региональный аспект [15]. Опыт регионального изучения взаимоотношений тамбовского крестьянства и власти позволил ему прийти к следующим выводам.

Крестьянину, жившему в условиях замкнутости хозяйственного быта и общинного самоуправления, государство нужно было лишь как регулятор отношений, гарант и защитник крестьянских прав владения и

собственности. Поэтому он противился любому государственному принуждению, жаждал «всей земли и воли». Для государства же крестьянство было «неудобным классом» именно как саморазвивающийся слой, но оно нужно было государству как основа физического жизнеобеспечения общества. Крестьянство, будучи в целом покорной частью общества, восставало против государства, во-первых, когда оно чрезмерно и болезненно вторгалось в сферу интересов крестьян, во-вторых, когда государство явно не оправдывало социальных ожиданий крестьян, в-третьих, когда государство показывало крестьянству свою некую слабость. В основном крестьянское сопротивление власти было пассивным, оно выражалось преимущественно в повседневных, обыденных формах. Для крестьян характерно быстрое остывание социального протеста, когда государство применяло жестокие репрессии. Неравенство сил государства и крестьянства загоняло в тупик возможности эволюционного решения вопроса. Предстоял более долгий и мучительный путь ломки традиционного крестьянско-общинного уклада. Другой возможный вариант – аграрная революция «снизу» – также не решал аграрного вопроса, ибо ослабленное за века государственного «зажима» крестьянство не могло предложить оптимального варианта, сводя всё к уравнительному переделу земли. Эти выводы Есиков апробировал в своей докторской диссертации, защищённой по инициативе Э. М. Шагина в учёном совете Московского педагогического государственного университета [19, с. 29], а также в других многочисленных публикациях. С учётом современных достижений отечественной и зарубежной историографии в области изучения аграрной истории России они вполне убедительны и достоверны.

С. А. Есиков – один из немногих современных историков-аграрников, не поддавшихся моде ругать крестьян за их образ жизни, рассматривать их как главную причину тормоза прогресса и модернизации России. Ряд исследователей считает, что именно поэтому крестьян пришлось загонять сначала в рыночные отношения, а потом и в сталинские колхозы. Есиков не возлагал на крестьян вину за системный кризис в стране на рубеже XIX–XX вв. Они вели себя вполне адекватно и естественно. Эту мысль он обосновал на примере анализа русской поземельной общины. В историографии она стала объектом критики со стороны некоторых исследователей [64, с. 15-16].

Историк понимал историческую перспективность общины в условиях рыночной модернизации [18, с. 100-101]. Но одновременно он защищал её от нападок, поскольку критики общины, сами того не желая, унижали русского мужика, навешивая на него ярлыки консерватора, противника перемен и т.д. Он считал общину естественной формой организации крестьянской жизни, вполне адекватной к происходящим переменам с точки зрения защиты интересов подавляющей массы крестьянства. Он хорошо изучил общину по достоверным источникам [39].

В данном контексте одним из немногих в современной историографии Есиков обратился к проблеме «община и агротехнический прогресс» [29]. Вот как он изложил свою позицию по данному вопросу: «В литературе утвердилось мнение, что крестьяне упорно придерживались традиционной агротехники и с недоверием относились к различным нововведениям... Однако первые же опыты агропомощи крестьянскому населению показали, что устойчивость привычек была различной. Если крестьянин видел плужный взмёт позднего пара в сухой почве, то вскоре и сам стремился работать с плугом. Но если ему рекомендовали, например, протравливать семена химикатами или использовать корову для нетяжёлых полевых работ, то он вряд ли следовал таким советам. Приверженность к привычкам была разной. Наблюдения показали, что чем моложе, образованнее и зажиточнее был крестьянин, тем восприимчивее он относился к нововведениям...

...Земельные переделы, проводившиеся в пореформенный период в среднем раз в 20 лет (начало 80-х гг. и на рубеже XIX–XX вв.) в целом не препятствовали нововведениям, которые крестьянин зачастую мог проводить самостоятельно. Главным препятствием на пути агротехнического прогресса была крайняя бедность крестьян, а не трёхпольная система и общинные порядки. Даже применение усовершенствованного инвентаря порой требовало значительных затрат всего общества. И тогда на помощь приходил сход» [22, с. 236-237].

В этой связи концептуальное значение имеет следующий вывод историка: «...Новые явления в пореформенной деревне не изменили хозяйственных и социальных основ крестьянской жизни. Община осталась институтом, обеспечивавшим физическое выживание крестьянской семьи. Сводя к минимуму степень риска, она замедляла, но отнюдь не препятствовала темпам агротехнического прогресса» [Там же, с. 238].

С. А. Есиков убедительно заключает, что в укреплении общины виновато прежде всего царское самодержавие. Оно намеренно поддерживало её жизнеспособность. Традиционные фискальные функции общины и круговая порука были удобны для него при сборе налогов, выполнении разверстки и натуральных повинностей. Во многом именно поэтому был отброшен план Н. Х. Бунге по ликвидации общины, а политика Александра III законсервировала её ещё на несколько десятилетий [32, с. 87].

Но не только царское правительство укрепляло общину. Крестьяне сами это делали, исходя из собственных интересов. Историк указывает, что в условиях бурно развивающейся рыночной экономики община смягчала её удары. Он писал: «Будучи не в состоянии предотвратить и устранить экономического неравенства своих членов, община их защищала в социальном и экономическом плане. Именно эта функция особенно ярко проявилась в период столыпинского наступления на общину. Чем сильнее власти давили и разрушали общину, тем крепче крестьяне держались за неё... Из всех функций общины крестьяне выбирали социальную защищённость, особенно необходимую им в лихой год. Этим можно объяснить прочность общинных устоев в тамбовской деревне» [18, с. 100-101].

С. А. Есиков не просто заявляет, но и очень аргументированно обосновывает свои выводы о социальной функции общины: «...община отреагировала на развитие рыночных отношений попытками модернизировать хозяйства: предпринимались шаги по смягчению вредных последствий чересполосицы, практиковались переходы на “широкие полосы”, внедрялись травосеяние и многопольные севообороты, применялись усовершенствованные орудия и машины, различные агротехнические мероприятия; кое-где сельские общества, при минимальном успехе, пытались заняться предпринимательством, используя мирские капиталы» [Там же].

В своих публикациях Есиков прослеживает судьбу русской общины вплоть до сталинской коллективизации. Он заключает, что община, служившая средством подчинения деревни государству, в условиях революции действовала как революционно-демократическая организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением. В годы аграрной революции 1917–1918 гг. она превратилась в орган сельского самоуправления и выступила в качестве инструмента земельного передела.

Историк очень точно характеризует влияние векового общинного уклада на советскую деревню. «Общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества. Он находил конкретное выражение, прежде всего, в системе ценностей и нормах поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи, в признании естественным существование различных форм собственности», – указывал он [26, с. 238–241].

Из творческих достижений С. А. Есикова по данной проблеме следует очень важный вывод о крестьянской самоорганизации, умении крестьянства защищать себя от государственного принуждения и насилия, отвечать чрезмерным нападкам власти на деревню. Вполне объясним поэтому тот накал противостояния государства и крестьянства в России, который имел место в первой половине XX века. У крестьян оказалось оружие против государства и других внешних угроз. Это традиционная поземельная община. Идеи Есикова о ней позволяют лучше понять причины и механизм крестьянского конфликта с государством в рассматриваемый период. Они подтверждают и развивают мысли об общине В. П. Данилова, П. Н. Зырянова и других выдающихся её исследователей.

Широкой научной общественности С. А. Есиков стал известен благодаря участию в работе над сборником документов об «антоновщине» и публикациям на эту тему. Он был правой рукой Данилова при подготовке к печати первого выпуска данного сборника [53]. Без него этот сборник не скоро бы увидел свет. Зная дальнейшую творческую судьбу историка, можно с полной уверенностью утверждать, что она не стала бы такой плодотворной без поддержки В. П. Данилова. Талант Есикова как исследователя и его прекрасные человеческие качества привлекали к нему и других авторитетных учёных, которые помогали ему в его делах, сотрудничали с ним (Э. М. Шагин, П. С. Кабытов и др.). Он всегда в меру сил платил им тем же.

В начале 1990-х гг. совместно с тамбовскими коллегами С. А. Есиков опубликовал ряд статей по актуальным проблемам «антоновщины» [15; 23; 27; 35; 41; 53]. В дальнейшем они получили обобщение в его докладе на научной конференции в Оренбурге в 2007 г. [28].

Историк рассмотрел причины крестьянского восстания, его ход, результаты, роль партии эсеров в восстании и другие проблемы. Он доказал, что «антоновщина» – это типичное крестьянское восстание с типичным финалом: военным разгромом при выходе с родных мест. Оно было вызвано военно-коммунистической политикой большевиков, разорявшей крестьянские хозяйства. Повстанцы успешно вели партизанские действия в трёх лесных уездах Тамбовской губернии, поскольку действовали в родных местах, и во главе повстанческих отрядов оказались достаточно опытные в военном отношении люди, прошедшие мировую войну, уже повоевавшие и в гражданскую. По своему характеру крестьянское восстание в Тамбовской губернии было стихийным, оно не было подготовлено ни враждебными большевикам партиями, ни инструкторами из белогвардейских армий. Однако, несмотря на стихийный характер вооружённого выступления, крестьяне оказались способными к самоорганизации и самостоятельности: на местах создавались органы повстанческой власти – разного уровня союзы трудового крестьянства, вырабатывались собственные программные документы, издавалась печатная продукция, проводилась принудительная мобилизация, реквизиции хлеба и другие мероприятия, копировавшие действия советской власти.

С. А. Есиков считает глубоким заблуждением идеализировать крестьянскую войну, поскольку она нанесла существенный урон экономике и сопровождалась большими человеческими жертвами. Повстанцы уничтожали средства связи, портили железные дороги, громили совхозы и коммуны, с особой яростью убивали коммунистов и советских работников из крестьян. По его мнению, по части жестокости обе стороны не уступали друг другу, а жестокость остаётся жестокостью, от кого бы она ни исходила [53, с. 225].

Так же, как и Данилов, он обнаружил в «антоновщине» «необычные обстоятельства», подчёркивающие подлинный трагизм ситуации. В противоборстве оказались армии, одинаковые по национальному и классовому составу (русские крестьяне), организации (комиссары, политотделы и т.д.), одинаково присягнувшие красному знамени и боровшиеся «за победу настоящей революции». Вооружённая борьба между этими армиями велась на полное взаимное уничтожение [Там же, с. 226].

Вслед за Даниловым Есиков констатировал и противоречивый, но реальный факт. Большевики подавили «антоновщину», как подавили все крестьянские мятежи, однако и сами должны были отказаться от немедленного «введения» социализма, а главное, удовлетворить основные требования деревни, отказаться от продовольственной развёрстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни в земельном кодексе РСФСР 1922 г. [18, с. 102].

В русле избранного комплексного подхода к проблеме историк сконцентрировал внимание на главном вопросе: почему в России произошла революция и все последующие за ней события, включая сталинскую коллективизацию? Для ответа на него он обратился к анализу ситуации в тамбовской деревне и России в первые десятилетия XX века.

Совместно с П. П. Щербининым и другими тамбовскими коллегами он впервые в историографии показал негативное влияние на крестьян и крестьянское хозяйство Тамбовской губернии войн, которые Россия вела в рассматриваемый период. Русско-японская и, особенно, Первая мировая война ослабили крестьянское хозяйство и изменили отношение крестьян к власти. Из-за военных неудач и тягот непонятной и затянувшейся

войны они потеряли веру во власть и в царя. Их революционные выступления в 1917 г. были вполне закономерными [20; 42-46].

Но неудачные войны выступили лишь катализатором крестьянского протеста, его поводом. Истинные причины недовольства тамбовских крестьян были связаны с состоянием крестьянского хозяйства и государственной политикой по отношению к нему. На эту тему заслуживает внимания сборник документов «Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918 гг.) / под ред. В. П. Данилова» (М.: РОССПЭН, 2003), одним из составителей которого был С. А. Есиков. Материалы сборника свидетельствуют, что причинами крестьянской революции в Тамбовской губернии так же, как и в других районах бывшего помещичьего землевладения, было крестьянское малоземелье, ухудшение положения крестьян во время Первой мировой войны, неспособность царского правительства изменить его кардинальным образом. То есть корни проблем уходили в дореволюционное время, о чём С. А. Есиков неустанно напоминает в своих работах.

Советская власть поддержала их решение в крестьянском варианте уравнительного земельного передела. Это позволило большевикам удержаться у власти. Но далее начинается Гражданская война и новый этап крестьянского противостояния с государством в форме крестьянских восстаний. Есиков внимательно анализирует их причины применительно к «антоновщине» и на материалах Тамбовской губернии. В центре его внимания оказывается крестьянское производство и факторы, влиявшие на него. Он повторяет известные в историографии выводы о кризисе крестьянского хозяйства, его упадке в годы Гражданской войны из-за политики «военного коммунизма» большевиков. Но при этом он расставляет ряд акцентов и делает очень важные наблюдения по ряду дискуссионных вопросов.

Например, по его мнению, в годы аграрной революции (1917–1921 гг.) уравнительное перераспределение земли и ежегодные земельные переделы не решили проблему земельного голода и сохранили неустойчивость крестьянского землепользования [16; 17]. Основная масса крестьянских хозяйств замкнулась в рамках натурального производства. События аграрной революции отбросили крестьянское хозяйство на уровень 1880-х гг., произошла его архаизация [16]. То есть, с точки зрения крестьянского производства и сельского хозяйства страны в целом, Великая русская революция явилась регрессом. Отсюда не случайны и последующие события, связанные с курсом на форсирование индустриальной модернизации страны сталинским руководством.

С. А. Есиков несколько по-другому, чем принято в историографии, взглянул на проблему продразвёрстки в годы Гражданской войны. Как и наиболее авторитетный исследователь крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма» В. В. Кабанов, он констатировал факт невозможности определить степень её негативного влияния на крестьянское хозяйство из-за отсутствия достоверной источниковой базы [25, с. 240]. По его мнению, наряду с продразвёрсткой, на крестьянское хозяйство в указанный период оказали не меньшее негативное влияние такие факторы, как разруха военных и революционных лет, неурожай 1920 г., измельчание сельскохозяйственного производства и др. Этот вывод важен при определении баланса факторов кризиса сельскохозяйственного производства в России в годы Гражданской войны и начальный период нэпа. Очевидно, что не стоит всё сводить к субъективному фактору – политике большевиков. Были и другие факторы, на которые справедливо указывает С. А. Есиков.

Особое место в научном творчестве историка занимает период нэпа. На эту тему им сделаны самые важные выводы. Они замкнули единую цепь событий, идущих с пореформенной эпохи через революционные потрясения и Гражданскую войну к сталинской форсированной индустриализации на основе насильственной коллективизации советской деревни.

На материалах Центрального Черноземья С. А. Есиков проанализировал эволюцию крестьянского хозяйства в условиях нэпа. Он охарактеризовал крестьянское производство, социальную структуру села, показал развитие в нём рыночных отношений и расслоение крестьянства, определённые успехи в агрокультуре и т.д. [36; 37]. При этом Есиков опирался не только на архивные документы, но и труды выдающихся русских экономистов, чьё внимание привлекало семейное трудовое хозяйство Тамбовской губернии в рассматриваемый период (Н. П. Макарова, Н. П. Огановского, А. В. Чаянова, А. Н. Челинцева) [34, с. 78]. Он один из самых лучших знатоков и пропагандистов их научного наследия.

Полученные историком результаты очень убедительны. Главные из них, на наш взгляд, сводятся к следующим концептуальным положениям: нэп никогда не был «крестьянским раем», крестьянское середняцкое хозяйство исчерпало свой внутренний потенциал с точки зрения товарности и удовлетворения растущих государственных потребностей [8], реформа сельского хозяйства страны была неизбежной [30].

О том, что нэп никогда не был «крестьянским раем», С. А. Есиков доказал фактом голода 1923–1925 гг. в тамбовской деревне. По его мнению, по своим масштабам этот голод не уступал голоду 1921–1922 гг. В указанные годы в Тамбовской губернии голодало более 1 млн человек, имели место случаи голодных смертей [12]. И в дальнейшем уровень продовольственного потребления в деревне оставался на очень низком, голодном или полуголодном уровнях. В среднем, как указывает историк, в годы нэпа душевое потребление в тамбовской деревне составляло 11,4 пуда, что едва дотягивало до половины его обычной нормы [16, p. 27].

Он объясняет причины такой ситуации. Они были связаны с уровнем крестьянского производства в годы нэпа, который был даже ниже, чем в дореволюционный период. Так, например, ниже дореволюционных показателей была урожайность зерновых культур в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии: в 1912 г. – 62,0 десятины с гектара; в 1916 г. – 62,6; в 1924 г. – 26,4; в 1925 г. – 14,4 и т.д. [Ibidem, p. 26]. В 1920-е гг. так и не удалось полностью восстановить животноводство региона. В 1927 г. в губернии насчитывалось 296288 голов лошадей рабочего возраста против 387139 голов в 1917 г. [Ibidem, p. 29]. Аналогичной была ситуация и в целом по стране. Есиков приводит на этот счёт соответствующие данные. В 1927 г. посевные площади в СССР составляли 90%, под зерновыми – 87% от довоенных. Количество зерна на душу населения в 1927 г. составляло

489,6 кг (83,8%), по сравнению с 584,1 кг в 1913 г. Численность скота в СССР лишь в 1927 г. достигла уровня 1916 г., однако рабочих лошадей было всё ещё на 17,3% меньше, чем в довоенные годы [8, с. 94].

Низкой в годы нэпа оставалась и общая агрокультура крестьянских хозяйств. Прогрессивные формы землепользования, такие, как многополье со сменой культур и травосеянием, с трудом проникали в сельское общество, где сохранялась его традиционная чересполосица. В 1927 г. в РСФСР многопольные севообороты применялись только на 17,3% посевных площадей [Там же, с. 95].

Основываясь на этих и других фактах, С. А. Есиков аргументированно заключает: «Необходимо признать, что к концу 1920-х гг. сельское хозяйство страны переживало период стагнации, находилось на грани кризиса, постоянные местные голодовки, охватывавшие разные регионы страны практически ежегодно, были тому свидетельством. Так был ли нэп “крестьянским раем”? Вероятно, да, в сравнении с предыдущим временем военного коммунизма и последующим периодом “чрезвычайщины” и сплошной коллективизации. Деревня осередничалась. Однако середняк, процветая, обеспечивал, по сути, только себя, т.к. его хозяйство неспособно было обеспечить новые технологии и орудия» [Там же].

Так же, как и большинство исследователей нэпа, в подтверждении данного вывода Есиков приводит факт кризиса хлебозаготовок в стране в 1927 г. и последующих годах. Он традиционно объясняет его действиями сталинской группировки в партии, ориентированной на силовое решение проблемы [26, с. 169-199]. Но далее историк обращается к одной из самых дискуссионных тем в современной отечественной и зарубежной историографии – проблеме альтернатив сталинской системе.

С. А. Есиков не разделяет увлечений ряда современных исследователей гаданиями на кофейной гуще по поводу того, что было бы, если бы не было коллективизации. Он в курсе выводов американского историка-экономиста Хантера, создавшего на основе методики линейного программирования компьютерную модель альтернативной экономической истории СССР с конца 1920-х гг. по 1940 г., а также и упражнений на эту тему руководителя лаборатории математических методов в исторических исследованиях МГУ им. М. В. Ломоносова Л. И. Бородкина. Названные авторитетные специалисты с помощью клиометрии пришли к выводу, что если бы страна развивала свою экономику по логике предшествующих нэповских лет, избежав коллективизации, то вклад сельского хозяйства в другие отрасли экономики мог бы быть более весомым [5].

С. А. Есикову оказались ближе аргументы оппонентов, любителей гадания на кофейной гуще, среди которых признанные в научном сообществе зарубежные исследователи советской истории (Р. Дэвис, С. Коэн, М. Левин и др.). Суть их возражений состоит в том, что история не сводится к экономическим выкладкам, в ней работают факторы политического, социального и другого порядка. А самое главное – историю нельзя изменить!

С. А. Есиков в своих публикациях на данную тему обратил внимание на главный изъян всех сторонников теории альтернатив. Они игнорируют конкретно-историческую ситуацию в стране и голословно утверждают о возможности «длительного сохранения тенденций развития, присущих периоду нэпа». В этом же ключе их вывод о существовании варианта медленного экстенсивного роста сельского хозяйства страны [66, с. 181].

Своё скептическое отношение к альтернативной истории Есиков продемонстрировал в полемике с Даниловым, выдвинувшим идею о «бухаринской альтернативе». Наставник и друг историка считал, что Н. И. Бухарин и правая оппозиция предложили стране реальную программу выхода из кризиса хлебозаготовок. Она основалась на идее «кооперативной коллективизации» и была альтернативой сталинской «революции сверху».

С. А. Есиков не согласился с этим. И его аргументы, на наш взгляд, выглядят более убедительно, чем рассуждения оппонента. Он не отрицает факта альтернативного взгляда на развитие крестьянского хозяйства России в последние годы нэпа и указывает, что его авторами были экономисты Н. Д. Кондратьев и Н. П. Макаров, делавшие ставку на поддержку зажиточных крестьянских хозяйств, дальнейшее углубление нэпа на базе мобилизации земли, вовлечения её в товарообмен и т.д. [10, с. 159]. Но эти идеи остались на бумаге, поскольку в стране утвердился сталинский режим со своей программой по крестьянскому вопросу.

Что же касается Бухарина и его «альтернативы», то она никогда не могла быть осуществлена, поскольку была оторвана от жизни, практики государственного строительства. Да и сам Бухарин не вызывал у С. А. Есикова особого уважения из-за своей непоследовательной позиции.

Вот как он писал о нём, полемизируя с Даниловым: «В условиях полного отсутствия внутрипартийной демократии высшее руководство партии, а точнее, господствующая в нём группа Сталина, легко и успешно могла вести борьбу с любыми оппозиционными выступлениями. Большой личный вклад в создание подобной ситуации внёс Бухарин. Вспомним, как в 1927 г. он, находясь ещё в союзе со Сталиным против Троцкого, Зиновьева и Каменева и не ведая, что через год окажется на их месте, заявлял: “Если оппозиция попытается вызвать «катастрофу», партия и мокрого места от неё не оставит”. Какая уж здесь демократия. Поэтому нельзя согласиться с мнением Данилова о том, что вплоть до конца 1927 г. сохранилась возможность обсуждения политики в руководстве партии и государства. В середине 1920-х гг. такой возможности уже не было» [9, с. 478-479].

Анализируя содержание «бухаринской альтернативы», историк нашёл в ней очевидные слабые стороны. Прежде всего, она не учитывала сложности сложившейся международной обстановки, требующей ускорения экономического развития страны. В подтверждении своей позиции Есиков привёл выступление Бухарина на XIV съезде ВКП(б): «Из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем... мы можем строить социализм даже на той нищенской технической базе... этот рост будет во много раз медленнее... мы будем плестись черепашиным шагом, но... всё-таки социализм строим, и... мы его построим» [70, с. 135]. То есть, Бухарин допускал «черепашии темпы развития страны» [8, с. 98-99]. В связи с этим С. А. Есиков задаётся вопросом: «Могла ли быть осуществлена “бухаринская альтернатива”? И справедливо отвечает: «По всей видимости, нет. Из-за серьёзных изъянов в самих построениях Бухарина, да и в связи со сложившейся обстановкой в стране и партии эта альтернатива вряд ли имела шансы на успех» [8, с. 98; 9, с. 478-479].

Усиливая свою аргументацию, Есиков вступает в полемику с Даниловым по вопросу о кооперации. Он солидаризируется с В. В. Кабановым, негативно оценившим состояние сельской кооперации в годы нэпа. Для Данилова же кооперация выступала базовым элементом «бухаринской альтернативы» сталинской коллективизации. О своём видении кооперации в рассматриваемый период Есиков пишет: «...полностью подчинив себе кооперацию путём её централизации, занятия всех руководящих постов в центре и на местах, власти превратили её в огромный, не очень умелый, но очень послушный аппарат проведения своей политики в деревне. Кооперация держалась за счёт финансовой поддержки со стороны государства. Утверждение о высоких возможностях кооперирования крестьянских хозяйств не подтверждается. Не кооперацию приспособляли к нэпу или нэп – к кооперации, а то и другое – к плановому началу. В конце 1920-х гг. кооперация оказалась не способной к выполнению преобразующих функций, да и своих собственных обязанностей, она разрушалась» [9, с. 479].

Таким образом, С. А. Есиков доказал невозможность другого варианта развития сельского хозяйства страны на рубеже 1920-х–1930-х гг., чем случившийся. Одновременно он ответил и на вопрос о причинах революционных потрясений России в первые десятилетия XX века. Они были связаны с процессом индустриальной модернизации крестьянской страны. Поэтому изучение аграрной проблематики – это ключ к пониманию её особенностей и результатов. Историк с сожалением констатирует этот факт, потому что события сталинской коллективизации и вызванного ею голода 1932–1933 гг. стали подлинной трагедией крестьянства России, в том числе тамбовского. На эту тему им также опубликованы серьёзные работы. Они написаны в русле современных подходов к проблеме [14; 31; 33; 40].

С. А. Есиков не только замечательный историк, но и педагог. Под его научным руководством защищены многочисленные диссертации о русском крестьянстве [4; 47; 52; 58; 61; 63; 68; 71]. В качестве официального оппонента он поддержал многих молодых [7; 49; 54; 55-57; 59; 65; 72] и уже имеющих определённый вес в науке историков-аграрников [3; 50; 51; 67; 69].

Историку исполняется 60 лет. Позади большой жизненный и творческий путь. Ему многого удалось достичь в жизни. Он заслуженно является одним из ведущих историков-аграрников страны, научным брендом тамбовских гуманитариев. Его любят и уважают многочисленные коллеги и ученики как в России, так и за её пределами. Пожелаем здоровья и новых творческих побед Сергею Альбертовичу Есикову – замечательному историку русского крестьянства.

Список литературы

1. Аврех А. А., Есиков С. А., Канищев В. В., Мизис Ю. А., Протасов Л. Г. Формирование и развитие сети сельских населённых пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII–XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. С. 3–16.
2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. 772 с.
3. Бабашкин В. В. Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ: автореф. дисс. ... д. ист. наук. Тамбов, 2010. 43 с.
4. Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (по материалам губерний Центрального Черноземья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. 17 с.
5. Бородкин Л. И., Свищёв М. А. Социальная мобильность крестьянства в период нэпа // Вестник сельскохозяйственных наук. 1992. № 2.
6. Власть и общество России. XX век: сб. научных трудов / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселёва, С. В. Мищенко. М. - Тамбов, 1999. 354 с.
7. Гришаков В. Г. Отечественная историография крестьянского движения в Поволжье в годы гражданской войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
8. Есиков С. А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XXI вв.: эволюция и кризисы: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: РЦРО, 2009. С. 94–100.
9. Есиков С. А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции (г. Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 468–479.
10. Есиков С. А. Был ли нэп «крестьянским раем»? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции (г. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 152–161.
11. Есиков С. А. Варяги в русской истории: материалы к лекции. Тамбов: ТГТУ, 2006. 20 с.
12. Есиков С. А. Голод 1923–1925 гг. в тамбовской деревне // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сборник статей. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 266–270.
13. Есиков С. А. Историография поземельных отношений в Тамбовской губернии в пореформенное время // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (г. Тамбов, 10 июня 2010 г.) / отв. ред. С. А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2010. С. 31–41.
14. Есиков С. А. Красная Армия и коллективизация в деревне Центрально-Чернозёмной области // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. междунар. заочной науч. конф. Тамбов: ТГТУ, 2007. С. 151–154.
15. Есиков С. А. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции (13–14 июня 1994 г.). М., 1996. С. 146–154.
16. Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.) // History of the Russian Peasantry in the XXth Century / ed. by Hiroshi Okuda. Tokyo, 2004. Vol. 2. P. 7–35.
17. Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии в годы революции и гражданской войны (1917–1921 гг.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. статей. Тамбов 1998. Вып. 2. С. 99–114.
18. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов: ТГТУ, 1998. 108 с.

19. **Есиков С. А.** Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 34 с.
20. **Есиков С. А.** На пути к военному коммунизму. Государственное регулирование хлебозаготовок в Тамбовской губернии в 1914 – начале 1917 г. // Крестьяне и власть: материалы конференции. М. - Тамбов, 1996. С. 66–77.
21. **Есиков С. А.** Начальные века истории Российского государства и его первые правители: материалы к лекции. Тамбов: ТГТУ, 1997. 16 с.
22. **Есиков С. А.** Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 232–239.
23. **Есиков С. А.** Партия социалистов-революционеров и Тамбовское восстание 1920–1921 гг. // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век: материалы межвузовской научной конференции. Тамбов, 1997. Вып. III. С. 43–52.
24. **Есиков С. А.** Правовые аспекты крестьянского землевладения и землепользования в пореформенной России // Великие реформы 1860–1870-х гг. и аграрная Россия: сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург: Региональный центр развития образования Оренбургской области, 2011. С. 60–66.
25. **Есиков С. А.** Продразвёрстка в Тамбовской губернии // Власть и общество России. XX век: сб. научных трудов / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселёва, С. В. Мищенко. М. - Тамбов, 1999. С. 234–241.
26. **Есиков С. А.** Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центральной Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
27. **Есиков С. А.** Тамбовские эсеры об экономическом и социально-политическом положении губернии в 1920 году // Общественные движения и политические партии стран содружества (XIX–XX вв.): историография, история, современность: тезисы докладов и выступлений на международной научной конференции (16–19 сентября 1993 г.). Владимир, 1993. Ч. II. С. 111–115.
28. **Есиков С. А.** Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны. Антоновщина (1918–1921 годы) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург, 2007. С. 217–227.
29. **Есиков С. А.** Участковая агрономия, трёхпольная система и крестьянская община (Тамбовская губерния, начало XX в.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. статей. Тамбов: ТГУ, 1996. Вып. 2. С. 24–31.
30. **Есиков С. А.** Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуды. Токио, 2005. С. 131–152.
31. **Есиков С. А.** Хлебозаготовки 1930–1932 гг. в Центрально-Чернозёмной области // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 339–362.
32. **Есиков С. А., Есикова М. М.** Аграрная политика российского правительства в 1880–1890-е гг. // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 87–92.
33. **Есиков С. А., Есикова М. М.** Взаимоотношения крестьянства и власти Центрального Черноземья в период коллективизации в исторической литературе // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 89–97.
34. **Есиков С. А., Есикова М. М.** Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие Советской власти в историографии // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 78–89.
35. **Есиков С. А., Канищев В. В.** «Антоновский нэп» (организация и деятельность «союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60–72.
36. **Есиков С. А., Канищев В. В.** Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микро-социальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860–1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (г. Вологда, 12–16 сентября 2000 г.). М., 2000. С. 6–9.
37. **Есиков С. А., Канищев В. В.** Об эволюции крестьянских хозяйств в годы нэпа (на материалах Центрального Черноземья) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1994. С. 156–158.
38. **Есиков С. А., Кондрашин В. В.** Влияние международных проектов по аграрной истории России XX века на развитие региональной историографии // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (г. Вологда, 23–26 сентября 2008 г.). М., 2008. С. 92–93.
39. **Есиков С. А., Косов Р. В.** Источники изучения общинного и личного крестьянского землевладения на микроуровне в пореформенный период. 1861–1904 гг. (по материалам Тамбовской губернии) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 329–338.
40. **Есиков С. А., Кузнецова Э. Н.** Голод 1932–1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992. 17 с.
41. **Есиков С. А., Протасов Л. Г.** «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57.
42. **Есиков С. А., Щербинин П. П.** Источники изучения продовольственной безопасности крестьянских семей в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 66–75.
43. **Есиков С. А., Щербинин П. П.** Продовольственные заготовки для армии в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 75–79.
44. **Есиков С. А., Щербинин П. П., Щербинина Ю. В.** Изучение влияния русско-японской войны 1904–1905 гг. на продовольственную безопасность крестьянских семей // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург, 2007. С. 421–431.
45. **Есиков С. А., Щербинин П. П., Щербинина Ю. В., Алёхина Е. В.** Продовольственное обеспечение беженцев в период Первой мировой войны (по материалам Тамбовской губернии) // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX вв.: пороги безопасности: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 81–87.

46. Есиков С. А., Щербинин П. П., Щербинина Ю. В., Алёхина Е. В., Свиридов В. В., Старостин М. М., Хорошун К. И. Крестьянское восприятие Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российское село в XIX–XX вв.: сб. статей междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2009. С. 59–66.
47. Захарцев С. Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период нэпа (1921–1928 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. 23 с.
48. Кабанов В. Г. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 24 с.
49. Камордин В. В. Православная концепция политического и социально-экономического развития России конца XIX – 40-х гг. XX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 21 с.
50. Кознова И. Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дисс. ... д. ист. наук. Самара, 2005. 39 с.
51. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Самара, 2001. 41 с.
52. Косов Р. В. Крестьянская земельная собственность Тамбовской губернии в структуре частного землевладения (1861–1906 гг.) (опыт микроисторического анализа): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2000. 16 с.
53. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы. Тамбов, 1994. 332 с.
54. Лю Ин. Торгово-экономические связи России и Китая в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке в первой трети XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001. 22 с.
55. Мавлюдов И. Н. Татарская деревня в 1920-е гг.: традиции и новации (по материалам Пензенской и Саратовской губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 24 с.
56. Малофеева Е. Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001. 18 с.
57. Мирясов А. В. Мотивация труда рабочих промышленных предприятий России в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 20 с.
58. Музычук В. С. Формирование аппарата ответственных работников Тамбовской губернии в 1918–1921 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 23 с.
59. Николашин В. П. Социализация земли в Тамбовской губернии и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010. 23 с.
60. Окуда Хироси. XX век и сельская Россия // Родина. 2005. № 10.
61. Олиферовская И. В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации (1927–1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 22 с.
62. Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. 363 с.
63. Пеньков А. В. Российская деревня в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.) (на материалах Тамбовской области): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 19 с.
64. Роголина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.
65. Сафонов А. А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997. 22 с.
66. Свищёв М. А. Мелкое производство в 20-е годы // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
67. Соловьёв В. Ю. Русская крестьянская община в пореформенный период 1861–1900 гг. (на материалах Поволжья): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2009. 42 с.
68. Старостин М. Е. Единичные крестьянские хозяйства накануне Великой Отечественной войны (на материалах Тамбовской области 1937–1941 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 24 с.
69. Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (по материалам Среднего Поволжья): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007. 54 с.
70. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925: стенографический отчёт. М. - Л., 1926.
71. Шадский О. Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 г. – лето 1920 г.): «предантоновщина»: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2000. 24 с.
72. Яковлева Л. Е. Развитие постоянной повинности в России в XVIII–XIX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. 20 с.
73. Yesikov S. A. The Characteristics of the Tambov Region in the Nineteenth Century // *Historia Agriculturae* 28. Where the Twain Meet. Dutch and Russian Regional Development in a Comparative Perspective 1800–1917 / ed. by Pim Kooij. Groningen - Wageningen, 1998. P. 7–15.

SERGEI AL'BERTOVICH ESIKOV — OUTSTANDING RESEARCHER OF RUSSIAN VILLAGE

Okuda Hiroshi, Professor
University of Tokyo
hiroshi-okuda@mbr.nifty.com

Viktor Viktorovich Kondrashin, Doctor in History, Professor
Department of Native History and History Teaching Technique
Penza State University
ifpspu@mail.ru

The authors discuss the creative development of the largest historian-agrarian of Russia S. A. Esikov, and analyze his views on the controversial problems of the peasantry and agrarian history of Russia of the second half of the XIXth - XXth century: the Russian land community, peasant farm, peasant movement during revolution and civil war (Antonov's mutiny), cooperative system, NEP, "Bukharin's alternative", collectivization, etc.

Key words and phrases: historiography; agrarian history; Russian village; agrarian economy; Tambov province; NEP; collectivization.